

БУДУЩЕЕ РОССИИ В ЭКСПОРТНОМ ИСПОЛНЕНИИ

О.А. Солопова

FUTURE OF RUSSIA: FOREIGN VERSION

О.А. Solopova

Рассматривается параметр когнитивно-дискурсивной модели будущего России – «внутренняя политика». Материал для анализа представляют аналитические статьи британско-американских СМИ за 2000–2011 годы. Базовый параметр «внутренняя политика» в свою очередь может быть разбит на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего): политико-экономическая ситуация, народонаселение, природные ресурсы, вооруженные силы. В рамках настоящей статьи составлен предмодельный сценарий, который предназначен для содержательного исследования и описания прогнозируемых процессов, проанализированы лингвистические средства, используемые для представления «темного» и «светлого» будущего страны.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивное прогнозирование, модель будущего, параметры модели, внутренняя политика, политический дискурс, метафора, образ будущего.

The present paper focuses on the parameter of cognitive-discursive model of Russian future – domestic policy. The material for the analysis is exploratory forecasts made by authors of political texts in British and American mass media (2000–2011). The basic parameter “domestic policy”, in its turn, can be divided into subsets (factors most frequently addressed in mass media when referring to the image of Russian future): politico-economic situation, population, natural resources, and armed forces. The paper presents a scenario which is meant for further conceptual analysis of the model. It also gives a detailed description of the basic component and its subsets, and analyses linguistic means used to create the image of Russian future: both “grim” and “bright”.

Keywords: cognitive-discursive future studies, model of future, parameters of the model, domestic policy, political discourse, metaphor, image of future.

Решение проблемы воздействия на будущее, стремление найти и понять движущие силы грядущего, научиться ими разумно распоряжаться и предвидеть результаты предпринимаемых действий – неперенная составляющая политического дискурса. Политические тексты в частности и средства массовой коммуникации в целом действуют в сознании человека как первопричина, разделяющая действительность своими свойствами.

В фокусе внимания настоящей статьи – исследование закономерностей образа будущего России сквозь призму модели статической матрицы в рамках когнитивно-дискурсивного прогнозирования. Материал исследования был получен путем сплошной и репрезентативной выборки из по-

литических текстов средств массовой информации Великобритании и США и составил более 2400 контекстов. Источниковая база представлена англоязычной прессой за период с января 2000 года по май 2011 года включительно. Данная статья ограничена рамками одного базового параметра модели – «внутренняя политика».

В качестве метамодели в данном направлении предлагается матрица – «методология прогнозирования и ретроспективных моделей»¹, которая охватывает динамику различных параметров социально-политической системы (рис. 1).

Сообразно цели и задачам исследования, а также в соответствии с данными, полученными в ходе анализа корпуса текстов, содержащих поис-

Солопова Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры общей лингвистики, ФГБОУ ВПО «ЮУрГУ» (г. Челябинск), кандидат филол. наук, доцент, докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО УрГПУ (г. Екатеринбург), научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Чудинов Анатолий Прокопьевич. E-mail: solopovaolga@narod.ru

Olga A. Solopova, Linguistics chair senior lecturer (South Ural State University), candidate degree in philology, associate professor, Rhetoric and Intercultural Communication chair doctoral student (Ural State Pedagogical University), Scientific Supervisor – Prof. Chudinov Anatoly Prokopjevich, PhD (Russian philology). E-mail: solopovaolga@narod.ru

Рис. 1. Когнитивно-дискурсивная метамодель будущего

ковый прогноз, остановимся на следующих показателях метамодели. Поскольку когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует образ будущего в преломлении *политического текста* СМИ в качестве основных параметров, от которых зависит грядущий день мира политического, выступают внутренняя и внешняя политика. Базовые параметры «внутренняя» и «внешняя политика» в свою очередь могут быть разбиты на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего).

Для детальной интерпретации когнитивно-дискурсивной модели будущего, сконструированной на основе выбранного для анализа хронологического среза, составим предмодельный сценарий, который предназначен для содержательного исследования и описания прогнозируемых процессов. Сценарий как инструмент познания является актуальным и востребованным в прогностике и в когнитивной лингвистике. В прогностике к сценарному методу прибегают в том случае, когда «прогноз невозможно или нецелесообразно выполнять статистическими методами или с использованием специальных экономико-математических моделей»². В когнитивной лингвистике под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий: «концептуальные структуры для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении»³. Кроме того, сценарное представление будущих событий является характерной чертой аналитических статей, являющихся материалом настоящего исследования.

Сценарий содержит общие предварительные соображения о возможном состоянии объекта исследования в будущем с учетом данных прогноз-

ного фона – в нашем случае, отобранных базовых параметров. Поскольку будущее всегда разнопланово, каждая частная модель «будущее России», представляющая собой сферу-мишень, не является однополюсной: вариантов развития событий – сценарных фреймов – может быть несколько. Параметры модели, указанные выше являются слотами сценарных фреймов.

Интересен тот факт, что при моделировании будущего России в политических текстах британо-американских СМИ последнего десятилетия более востребованными являются параметры «внутренней политики» (53,5 %), нежели «внешней политики» (46,5 %) (рис. 2).

Безусловно, внутренняя и внешняя политика решают одну задачу – сохранение и упрочение существующей в государстве системы общественных отношений в будущем, о чем говорит незначительное доминирование (4 %) параметров «внутренней политики» над «внешней». Тем не менее полученные в ходе исследования данные подтверждают, что внешняя политика, по мнению СМИ, является отображением и продолжением внутренних общественных отношений, т. е. внешнеполитический курс любого государства определяется, главным образом, характером его внутренней политики.

Внутренняя политика. При создании модели вероятного будущего России параметр «внутренняя политика» насчитывает 1302 единицы, что составляет 53,5 % от общего корпуса проанализированных текстов (рис. 3). Среди подмножеств, составляющих указанный параметр, наиболее востребованным является подпараметр «политико-экономическая ситуация» (68,9 %). Наряду с данным подмножеством на передний план в качестве главных факторов, влияющих на формирование

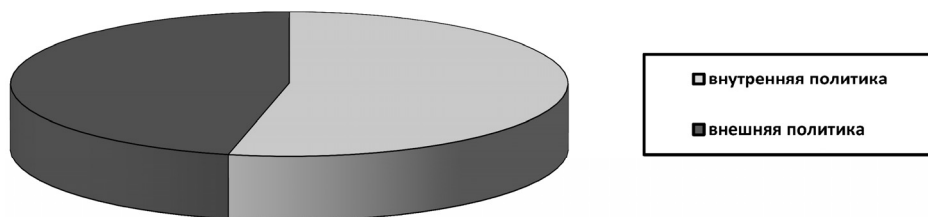

Рис. 2. Соотношение параметров «внутренняя политика» и «внешняя политика»

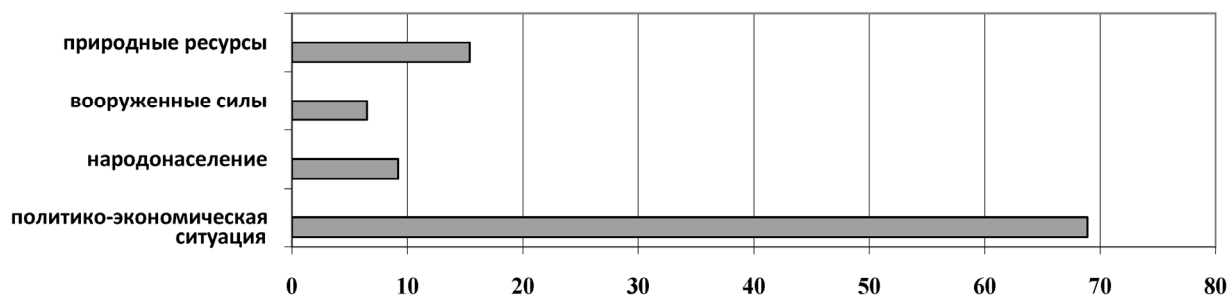

Рис. 3. Соотношение параметров внутренней политики

модели будущего страны, выдвигаются природные ресурсы (15,4%), демографический фактор (9,2%), военная мощь (6,5%).

Политико-экономическая ситуация (898 контекстов). Демократическая трансформация не доведена до конца; политическая инфраструктура и политическая культура очень слабы; политическая элита и бюрократия на всех уровнях контролирует политические процессы; коррупция и организованная преступность остаются существенными факторами в будущем России: *None of these changes affect the real challenges facing Russia that are crime, ideological disorientation, and demographic collapse. These problems are symptoms of a deep spiritual malaise* / The National Review, 30.04.02.

Для моделирования параметра «политико-экономическая ситуация» в России будущего типичны следующие черты.

- Темпоральный схематизм. По мнению журналистов британо-американских СМИ причину «духовного недуга» нашей страны следует искать в ее прошлом. СМИ прогнозируют очередной виток возврата России назад: *The current Moscow power establishment is leading Russia back in time* / The Heritage Foundation, 14.01.2009. *The old Soviet Union, however, is long gone and Russia, despite its recent oil-and-gas driven revival, represents the past* / The American Spectator, 12.14.06. Темпоральный схематизм в рамках моделирования рассматриваемого параметра обусловлен компрессией прошлого, ретроспективный взгляд, как правило, обращен к советской эпохе или монархии: *What Europe and the United States now face is a revanchist Russian Federation, dysfunctional but flush with petro-dollars, that currently exhibits a volatile admixture of neoczarist imperial ambition and Soviet-era rhetoric and tactics* / The American Spectator, 15.06.2007.

Наследие советского прошлого неумолимо преследует Россию на страницах британо-американской прессы – *Future Soviet Union* / The New York Sun, 13.08.2008), *A Socialist Totalitarian Monster* / The American Spectator, 25.11.2009, *The Evil Empire* / The American Conservative, 16.06.2008). В рамках метафоры пути Россия как всегда оказывается на перепутье: *Russia is now at a crossroads: Either the Soviet Union will be restored or modernization will be re-attempted, but on a com-*

pletely different basis. It will not be possible to restore the U.S.S.R. gently and gradually / The Times, 28.12.2004.

Монархическая метафора актуализируется при создании образов российских политических лидеров: *Russian Tsar* / The American Spectator, 29.08.2008; «Vladimir the Lucky» / The Heritage Foundation, 15.09.2006; *No Peter the Great* / National Review, 20.09.2004; *Rat King in The Nutcracker* / The Time, 30.12.2004; *The Gas Czar* / The American Spectator, 17.03.2008; *The New Tsar, same as the Old Tsar* / The American Spectator, 10.02.2010. Причем образ монарха многогранен, начиная от русского императора, заканчивая Мышиным королем и голым королем из произведений Э. Гофмана и Е. Шварца: *Putin is leading Russia into a dead end. If Europe sees through his bluster, he will be revealed as a bully and a would-be emperor who is more naked than he realizes* / NY Times, 05.09.2008.

Следует отметить, что персонализированным символом новой, будущей России до сих пор остается В. Путин: *So keep your eye on little «Putkin» for the next several years – whether in or out of office. He's chairman of the board and CEO for life, and he'll be around running Russia, Inc. for a very long while* / The American Spectator, 30.08.2007.

- Использование метафорических моделей с отрицательным концептуальным вектором. Наиболее востребованной является морбиальная метафорика, диагностирующая рецидив одного из многочисленных заболеваний страны и, как следствие, смерть пациента: *The erosion of a nation can easily proceed hand-in-hand with the cancerous bloat of its government: just look at the suffocation of Russia under the dead hand of the Soviet state* / The American Conservative, 02.06.2003. Не менее актуальны зооморфные метафорические наименования с отрицательной коннотацией: *So it seems likely that the Russian bear will continue awakening, snarling, and growling in Western papers for the foreseeable future. If the Kremlin really wants to improve its image abroad, perhaps a better strategy would be to change its politics* / The American, 19.03.2007.

- Востребованность исторических концептуальных метафор – эксплицитного или имплицитного сравнения прошлого и будущего, базирующегося на прецедентных именах и ситуациях.

Исторические метафоры не только «придают нужную форму событию настоящего и прошлого»⁴, но также влияют на формирование и формулировку долгосрочных целей общества, то есть на будущее страны. В британо-американских СМИ рассматриваемого хронологического среза будущее России видится сквозь призму холодной войны, часто ассоциируется с фашистской Германией: *If one extrapolates Russia's development during the last eight years into the future, we will not only witness a second Cold War. The Russian Federation might become something like a new apartheid state. Some observers do, in this connection, not hesitate to speak of a «Weimar Russia» comparing post-Soviet conditions to those in inter-war Germany* / Global Politician, 06.03.2008.

Исторические личности, с которыми британо-американские СМИ ассоциируют будущее России – И. Сталин, А. Гитлер, Иван Грозный, Петр I, Ю. Андропов, Б. Ельцин: *Russia has now had 50 years to recover from Stalinism but the consequences of the massive Stalinist effort to create reality by force set the stage for a downward spiral that threatens Russia's future. As Stalin's popularity grows, there is a possibility that he will join the pantheon of Russian national heroes that includes Peter the Great and, to a degree, Ivan the Terrible. If this happens, the evil that Stalin exemplified will be treated as a legitimate part of the Russian national tradition* / The National Review, 14.03.2003.

- Выбор видовременных форм глагола. Помимо использования группы будущих и ряда настоящих времен, типичных для описания будущего события в английском языке, в анализируемом корпусе текстов зафиксированы прогнозы, нацеленные на определение того, что произойдет с Россией в будущем, которые составлены с использованием группы прошедших видовременных форм английского языка: *Moscow's paralysis was due in part to the slow-motion collapse of the Putin regime* (Past Simple); *Former president Putin was still fighting to stay in Brazil* (Past Continuous); *Russia had gone from weakness to impotence* (Past Perfect); *Chinese workers had been migrating to the thinly populated Russian areas of Siberia and the south-east for the previous 30 years* (Past Perfect Continuous). Выбор прошедших времен для описания будущих событий выполняет прагматическую функцию, работая на создание образа предсказуемого, предрешенного «ужасного будущего», описывая его атрибуты в ультимативной форме.

- Немногочисленное употребление лексем со значением «роста, развития», работающих на создание образа «светлого» будущего: *Russia can still continue to grow, albeit at a slower rate, even if oil prices fall* / NY Times, 25.03.2004. Лекарство, способствующее возрождению России и путь к «светлому» будущему лежит через экономический рост и развитие: *The key to Russia's future security is in the rapid development of the country's economy...*

As the Russian economy continues to grow, it will help provide Russia with the resources to finance the social and security needs of its people / NY Times, 26.12.2001.

Народонаселение (180 контекстов). Существенные демографические проблемы, продолжительность жизни ниже восполняемого уровня, неуклонная убыль населения. Миграционное нашествие, представляющее одну из основных угроз для внутренней стабильности, национальной безопасности и территориальной целостности страны: *Russia is sliding into a demographic abyss, compromising its long-term economic, health, development and security prospects, according a recent report from the National Bureau of Asian Research (NBR)* / The Washington Times, 29.11.2004.

В британо-американском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического среза для моделирования параметра «народонаселение» характерны следующие черты.

- Темпоральный схематизм – будущее, как правило, маркировано определенными временными рамками: *By 2020 Russia's population had fallen below 100 million and was still heading downwards... There may have been as few as ten million ethnic Russians between the Urals and the Pacific by 2015... By 2020 much of the region was Russian in name only. Russia had gone from weakness to impotence* / The National Review, 20.04.2007. Конкретные временные рамки, заданные авторами аналитических статей, акцентируют фатальность и неизбежность прогнозируемых процессов.

- Приведение статистических показателей, характеризующих состояние населения и его воспроизводство со ссылками как на зарубежные, так и на российские источники: *According to U.N. projections, Russia's population will plummet from 146 million in 2000 to 104 million in 2050. Russia will go from being the 6th-most-populous country in the world to being the 17th* / The Spectator, 28.04.2005.

- Частые повторы и варьирование лексем со значением «уменьшения» населения, создающих стойкую картину автоматизированной приемлемости информации: *to fall, to decline, to rapidly age, to collapse, to plummet, to rapidly decrease, decline, demographic abyss, demographic disaster, mourning Mother Russia* и др.

- Востребованность метафорических единиц с ярко выраженным отрицательным концептуальным вектором. Вновь среди самых продуктивных моделей выступает морбиальная метафора: *Most of us are grateful for the fall of communism, but the phrase «epidemic of collapse» is not a bad description of what Russian society is suffering through right now. You can measure that collapse most broadly in the country's phenomenal population decline* / The Spectator, 28.04.2005. Часто переплетаясь с метафорой болезни, зооморфная метафорика также активно участвует в формировании картины пессимистического будущего страны: *Russia is the*

canary in the coal mine of below replacement fertility demography / The American Spectator, 10.11.2009. Жизнь канарейки в угольной шахте коротка: в прошлом угольные шахты не были оснащены системами вентиляции, поэтому шахтеры при разработке новых угольных пластов обычно приносили канарейку в клетку. Канарейки чувствительны к метану и угарному газу, пока канарейка продолжала петь, шахтеры были уверены в собственной безопасности. Мертвая канарейка была сигналом к эвакуации.

• Цитирование, повышающее убедительность и вескость преподносимой информации. Причем авторы некоторых аналитических статей ссылаются на еще не созданные тексты: *As Oxford's Regius Professor of History, Pavel Stroylov, has written in his classic The Fall of the Russian Republic: «In Russia itself, the successful separation of the Far East provoked a chain reaction. Within a year, another half a dozen independent republics were proclaimed in Siberia. Russia's de facto Eastern border was now at the Ural Mountains»* / The National Review, 20.04.2007. История многих цивилизаций учит: за депопуляцией страны, рано или поздно, следует ее территориальный распад⁵. СМИ предостерегают появление новых многочисленных общественно-политических формаций на «бывшей» территории Российского государства: *Russia itself is not very different, with some two dozen democracies, kleptocracies, and outright tyrannies* / The National Review, 20.04.2007. По мнению зарубежных журналистов, демографические тенденции неблагоприятно влияют на позиционирование России как динамично развивающейся страны, страны, у которой есть будущее.

Вооруженные силы (84 контекста). Сценарное представление будущего в рамках данного параметра представлено следующим образом: демографический кризис, переживаемый Россией, отражается на военном потенциале России: *Russia's low birth rate means that its army probably will be weak for years to come* / The American Conservative, 27.08.2007. Нарастание технической отсталости в сфере вооруженных сил: *Arms industries can't grow like magic beanstalks. Even if Russia and China wanted to acquire arsenals to match ours, they'd have to buy them from us* / The American Conservative, 26.01.2009.

Для моделирования параметра «вооруженные силы» в России будущего типичны следующие черты.

• Темпоральный схематизм. Во-первых, «настоящее» всегда привязано к определенному событию, которым чаще всего является парад Победы на Красной площади: *Russia is telling Britain and the West that she is no longer the broken state she was 15 years ago... Their armed forces, though Putin is spending money on them, are in a very sorry state* / London Evening Standard, 11.05.2007. Во-вторых, «сжатая ретроспекция» – имперские амбиции Рос-

сии, унаследованные от советской и царской эпох: *The parade is a signal to the world and to the Russian people that the armed forces matter again. This is a hallmark of Putin's new Russia and a revival of the Soviet and czarist tradition of showing off the country's military prowess* / The Heritage Foundation, 11.02.2008.

• Апелляции к прецедентным событиям: *Today's Russian armed forces are facing their deepest crisis since the fiascoes of the Russo-Japanese War and World War I. Both of these earlier defeats led to revolutions and the eventual collapse of the Romanov empire* / The Guardian, 12.12.2006. Отталкиваясь от настоящего положения дел и проводя аналогии с прошлым, СМИ прогнозируют будущее развитие событий – крах государства.

• Сравнения, помогающие представить предпринимаемые действия, политический курс своей страны в выгодном свете, одновременно сформировав негативное отношение общественности к оппоненту: *America spends several times as much as Russia on defense, possesses a superior nuclear force and vastly better conventional military, and enjoys a GDP a dozen times that of Russia. The Russian Humpty Dumpty has fallen off of the wall and Moscow can't put it back together without spending money it doesn't have* / The American Spectator, 02.04.2009.

• Востребованность зооморфной метафоричности, которая, с одной стороны, вызывает негативные ассоциации, с другой – несет в себе позитивный концептуальный заряд: *The bear sharpens its teeth. Moscow: The graying bear is getting a makeover. Russia's military is launching its biggest rearmament effort since Soviet times, including a \$650 billion program to procure 1,000 new helicopters, 600 combat planes, 100 warships, and 8 nuclear-powered ballistic missile submarines* / Christian Science Monitor, 28.02.2011.

Стержневым элементом военного планирования в будущем, по мнению авторов аналитических статей, остается возможность использования стратегических ядерных сил. Но даже наличие ядерных вооружений не позволит России восстановить статус «Великой державы»: *Almost the only weapon that the Kremlin had in this crisis was its nuclear armory. But how could it be used? High oil prices had been the more important of the two factors sustaining Russia's claim to be a great power. The other was its Soviet-era nuclear armoury* / The National Review, 20.04.2007.

Природные ресурсы (140 контекстов). Россия зависит от добывающих отраслей промышленности, следовательно, – от цены на нефть и является «центром силы» прежде всего благодаря энергетическому фактору: *Russia aims to become a major energy supplier and provider of raw materials to countries of the Asia-Pacific region, including China, Japan, South Korea, and the United States. Such a goal, if accomplished, will greatly enhance Russian*

leverage in the Pacific Rim / The Heritage Foundation, 30.01.2009.

В политическом дискурсе британо-американских СМИ для моделирования параметра «природные ресурсы» в рамках рассматриваемого хронологического среза характерны следующие черты.

- Употребление метафорических единиц с положительным концептуальным вектором «движение вверх, возрождение»: *Fueled by energy revenues, Russia's resurgence in international affairs will continue* / The American Conservative, 24.03.2008; «восстановление, выздоровление»: *Russia's economic recovery centers around high oil prices, rather than market-oriented reforms* / The American Spectator, 14.12.2006; появление в дискурсе британо-американских СМИ метафоры игры при моделировании будущего России, причем, использование наименований «возвращение в игру», «готовность к игре»: *Russia, awash in oil and gas revenues, is back in the game in both Europe and Eurasia, ready to flex its muscles* / The American, 27.08.2007.

- Использование модальных глаголов со значением «возможности, вероятности» действия в настоящем и в будущем: *Russia might regain its old position as a superpower on the basis of its oil and natural gas holdings alone. Russia may emerge as a superpower* / The American Spectator, 06.07.2007. *When it comes to energy, Russia can do what it wants, when it wants* / The American, 01.03.2006. Однако всякие попытки преодолеть зависимость от внешнего воздействия, позиционировать себя в качестве энергетической державы встречают противодействие Запада. СМИ недвусмысленно намекают, что топливно-энергетические ресурсы страны исчерпаемы и невозобновимы. Акцентирует это положение следующая черта, характерная для рассматриваемого параметра.

- Употребление прошедших видовременных форм глагола при моделировании развития событий в будущем: *Moscow's revenue from oil prices was falling by a larger percentage every year. Neither*

private investors nor international agencies were ing to plug the gaps in the Kremlin's finances... Marginal fields closed down and exploration was curtailed / The Sun, 23.04.2007.

Раскрывая основную тональность отношения к России и к ее вероятному будущему американской и идеологически близкой к ней британской прессы, следует отметить, что в центре внимания оказываются внутрироссийские проблемы – «внутренняя политика» как один из базовых параметров когнитивно-дискурсивной матрицы (2000–2011). Будущее представлено двумя вариантами развития событий (рис. 4).

«Темное будущее»: Россия – малоэффективное, глубоко коррумпированное и недемократическое государство с неуклонной убылью населения, отказавшееся от модернизации своей экономики, целенаправленно превращающее себя в «энергетическую супердержаву», которой ей не быть вечно. «Светлое будущее»: Россия – богатая энергоресурсами страна с выздоравливающей экономикой, способная возродить свои вооруженные силы и вновь стать сверхдержавой.

Проведенное исследование показало, что в политическом дискурсе британо-американских СМИ рассматриваемого хронологического среза доминирует образ «темного будущего» (95% проанализированных контекстов). Моделирование «светлого будущего» носит преимущественно окказиональный характер (65 контекстов, что составляет 5% от корпуса проанализированных текстов).

Оценочная рамка модели будущего формируется богатым арсеналом языковых средств. Ядром оценочного аспекта является концептуальная метафора. Прагматический потенциал рассмотренных концептуальных метафор и соответствующих им сфер метафорического притяжения разнообразен по содержанию коннотативной нагрузки при моделировании будущего. Метафора фиксирует всю сложную гамму отношений членов социума к общественно-политической системе предполагаемого будущего: скептицизм, насмешку, ненависть, опасе-

Рис. 4. Когнитивно-дискурсивная модель будущего: параметр «внутренняя политика»

ние и др. В рамках метафорических моделей, употребляющихся для моделирования образа будущего России, актуализируются различные содержательные аспекты, что в значительной степени зависит от идеологической позиции автора текста, его интенций и иных дискурсивных характеристик. В рассмотренных примерах «метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие»⁶, образуя, таким образом, взгляд читателя на грядущий период развития общества. Используя метафоры для создания образа «ужасного будущего», политики апеллируют к чувству страха, ориентируют аудиторию на будущие беды России, что нацелено на дискредитацию политического оппонента. В рамках создания образа «темного» будущего особенно востребованы морбиальные и зооморфные наименования. Реже будущее предстает перед читателями в светлом ключе. Как правило, метафоры, нацеленные на создание «светлого» будущего, стерты, «бесцветны», не рожают манящих образов прекрасного будущего. Здесь особенно активны пространственные метафоры и метафоры пути, предлагающие возможности для движения, развития и роста.

Помимо метафоры к приемам выразительности, способствующим выдвиганию на первый план прагматически значимой оценочной информации в рамках созданной когнитивно-дискурсивной модели будущего, относятся:

– темпоральный схематизм, включающий три составляющие: «сжатая ретроспекция» – Россия будущего представлена как система, настроенная на державность, ее имперские рецидивы связаны с прошлым (советская эпоха, царизм); «событийное настоящее»; будущее, как правило, маркированное определенными временными рамками, которые акцентируют фатальность и неизбежность событий;

– высокая степень интертекстуальности модели;

– цитирование, повышающее убедительность и вескость преподносимой информации;

– частые повторы и варьирование определенных слов и сем, создающие стойкую картину автоматизированной приемлемости информации;

– сравнения и контраст, помогающий представить предпринимаемые действия, политический курс своей страны в выгодном свете, одновременно сформировав негативное отношение общественности к оппоненту;

– выбор видовременных форм глагола: прогноз, нацеленный на определение того, что произойдет с Россией в будущем, составлен с использованием не только будущих и настоящих,

но и прошедших видовременных форм английского языка, выполняющих прагматическую функцию;

– сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины и следствия, вопросительные предложения, вводные слова, выражающие итог, экспрессивные синтаксические средства, являющиеся грамматическими способами выражения оценочной мыслительной деятельности журналиста, – рассуждения, объяснения или обоснования;

– модальность, а именно использование модальных глаголов, модальных слов и косвенных наклонений как средств выражения гипотетичности.

Следует отметить, что будущее России на страницах британо-американской прессы определяется не столько ее объективными характеристиками (не ее реальными достоинствами или недостатками и не некими формальными показателями ее состояния и основных тенденций развития). На формирование модели будущего влияет специфика субъективного восприятия России зарубежной аудиторией, что в значительной мере детерминруется идейно-политическими установками этой аудитории, исторически сформировавшимися стереотипами ее мышления, инерцией свойственных ей культурно-политических предубеждений, штампами ее исторической памяти, что в свою очередь предопределяет выбор лингвистических средств при создании модели будущего развития страны. Моделирование на базе когнитивно-дискурсивной матрицы – новый способ структурирования представлений о закономерностях образа будущего, их интерпретация в рамках конкретной объяснительной структуры на основе диагностирования субъективного мира политики как пространства смыслов, задающих ориентиры политической деятельности.

¹ Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З. Новая матрица, или Логика стратегического превосходства. М.: Олма-пресс, Институт экономических стратегий, 2003. 239 с.

² Малая российская энциклопедия прогнозтики / И.В. Бестужев-Лада (гл. редактор), А.И. Агеев и др. М.: Институт экономический стратегий, 2007. С. 153.

³ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 18.

⁴ Paris, R. Kosovo and the Metaphor of War // Political Science Quarterly, 2002. Vol. 117 (3). P. 424–451.

⁵ Фальцман В. Новые стратегии для будущего России // Экономические стратегии, 2005. Вып. 4. С. 132–136.

⁶ Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 188.

Поступила в редакцию 26 сентября 2011 г.